

DENIS ABSENTIS

ZLAYA KORCHA: A MONOGRAPH

VOLUME 1: INVISIBLE FIRE OF DEATH

Денис Абсентис

Злая корча

Автор выражает признательность Олегу Малогловец
за помощь в вычитке текста и критические замечания,
Эльмире Кругловой за поиск и перевод испанских материалов,
а также благодарит всех, кто высказывал свои замечания и поправки
при подготовке книги.

Denis Absentis

Zlaza korchu: a monograph
Volume 1: Invisible fire of death

Copyright © 2011 by Denis Absentis

© 2011 Ora & Co Publishing

All rights reserved. No part of this book may be reproduced
or transmitted in any form (except by reviewers for the public press)
or by any means, electronic or mechanical, including photocopying,
recording, or by any information storage and retrieval system without
express written permission from the copyright owner.

Cover design © 2011 by Elmira Kruglova

ISBN 978-616-90718-3-9

RV 583826-506
www.books.absentis.org

Когда приближался конец тысячелетия, разразился мор от невидимого огня, убивающего многих за одну ночь; члены людей отпадали от тела, страдальцы скапливались в церквях и призывали на помощь святых. Кричащие от боли и потери сожженных членов люди вызвали жалость; Зловоние же было непереносимо... И конвульсивные, и гангренозные признаки болезни ясно упомянуты в Лотаринской хронике: «Многие корчились в агонии и судорогах; другие несчастные умирали, а члены их, сжеденные священным огнем, горели как уголь». Именно тогда огонь впервые был назван «священным»...

Клайд Мартин Кристенсен

Но профессор Кристенсен ошибался...

Предисловие

Возвращение дьявола

На самом деле, этот факт глядел всем в лицо на протяжении нескольких десятилетий; но так случилось, что никто не замечал его...

Олдос Хаксли. Двери восприятия: Рай и Ад

Темной ночью два автомобиля с выключенными фарами подъехали с разных сторон к складу, казавшемуся мрачным и зловещим. Двое мужчин одновременно вышли из своих машин, подошли к зданию и встретились у боковой двери. Пока все шло по заранее подготовленному плану. Ловко орудуя отмычками, преступники проникли в нужную комнату, где лежал конфискат, опечатанный полицией. Один из воров светил маленьким фонариком, пока его сообщник быстро переворачивал опечатанные мешки.

Только раз им пришлось прервать поиски и выключить фонарь, когда невдалеке проехал патруль жандармерии. Еще десять минут, и поиски увенчались успехом. Вот он, нужный мешок! Содержимое быстро перекачало в три десятка маленьких пакетов, принесенных преступниками с собой. Один из сообщников подошел к темному окну. Ни зги было не видно, ночь окутывала окрестности непроницаемым мраком. Воры вышли из здания и осторожно пошли к оставленным неподалеку машинам. Еще дважды пришлось им прятаться за углом склада от фар проезжающего патрульного автомобиля, но фортуна была к ним благосклонна. Через полчаса они уже благополучно добрались до города. Теперь преступникам оставалось только одно — найти способ контрабандно переправить свою добычу в Швейцарию.

Годом раньше. Необычно затяжные дожди закончились. Теплый августовский день не предвещал никакой беды. Владелец пекарни мсье Бриан испек хлеб и обслуживал первых покупателей. Ему и в голову не могло прийти, как вскоре изменится размеренная жизнь его тихого городка. Но прошло лишь несколько дней, и от провинциальной тишины не осталось и следа. Наступили дни ужаса.

Вечером мадам Мулен хотела накормить оставшимся с ужина хлебом собаку, кошку и уток, как она это делала всегда. Однако собака понюхала бульон с покрошенным хлебом и отошла. Никогда раньше пес не отказывался от еды. Хозяйка удивилась — на ее вкус хлеб был совершенно нормальным, разве что поднялся плохо и выглядел более плоским, чем обычно. Утром следующего дня она вдруг услышала дикий вопль своей любимой кошки, которая билась в агонии на кухне. Мадам Мулен бросилась на помощь, но кошка явно обезумела, в руки не давалась, каталась по полу в конвульсиях и бросалась на стену снова и снова. В этот момент хозяйка через открытую дверь кухни заметила, что утки во дворе ходят как-то странно, как пингины, более вразвалку, чем обычно, и шатаясь из стороны в сторону. Одна утка сделала, как пьяная, несколько шагов и упала на землю. Кошка тем временем вдруг издала истошный потусторонний вопль, подобного которому мадам Мулен не слышала за всю свою жизнь, встала на четыре лапы, зашаталась и тут же упала бездыханной. Хозяйка осторожно подошла к ней и потрогала. Кошка была мертва.

У живущего неподалеку Феликса Мизона пес оказался менее разборчивым в еде и хлеб съел. Утром мсье Мизон застыл в изумлении, наблюдая за ним. Никогда его собака не вела себя так. Внезапно выбежав на улицу, пес остановился в двадцати футах от двери, нелепо подпрыгнул и начал быстро носиться по кругу, лязгая зубами. В этот момент ему попался камень, в который он вцепился и начал люто его грызть, пока все зубы не выпали из окровавленного рта. Жуткая пляска смерти продолжалась десять минут. Мадам Мизон присоединилась к мужу в надежде успокоить пса. Собака теперь бегала медленнее, волоча ноги и хромая. Затем, тяжело дыша, она упала в грязь и вскоре умерла, с засохшей кровью на морде. Смерть пса потрясла Мизонов. Потрясла настолько, что Феликс почти не обратил внимания на спазмы в его собственном желудке, приписав их переживанию от потери любимца.

Вскоре у многих жителей городка начались галлюцинации и психозы. Маленькая девочка внезапно подверглась нападению

гигантских тигров, на других людей яростно кидались ужасные монстры. Напуганных горожан преследовали видения капающей крови и усмехающихся черепов. Не обращая внимания на окружающих, один мужчина писал стихи, страницу за страницей. Он писал в свой блокнот непрерывно, стирая карандаши, дни и ночи напролет. Другой громким голосом пересчитывал оконные стекла в спальне. Окон было шесть. Он считал их безостановочно в течение почти трех недель: «Один, два, три, четыре...». Бывший пилот выпрыгнул из окна второго этажа, думая, что он сам и есть самолет, в то время как еще один горожанин полагал, что он артист цирка, и пробовал себя в роли канатоходца. Местный каменщик был уверен, что у него в животе завелись змеи. Кто-то пытался мясницким ножом вскрыть себе грудную клетку, чтобы «освободить сердце». Городок по ночам заполнялся людьми, которыми овладела бессонница. Они слонялись по улицам, громко говоря и смеясь над своим затруднительным положением. Были и другие, которые просто смотрели в пространство. Неделю спустя уже более полусотни горожан впало в безумие. У них упало давление, понизилась температура, пульс замедлился, зрачки расширились. У одних развивалась истерика, другие обладали дикой, почти неуемной энергией, у третьих начались галлюцинации, иногда даже приятные: они видели яркие цветы, растущие прямо у них на ногах и руках, и испытывали ощущение блаженного мира. Некоторым казалось, что на них набрасываются жуткие чудища, а с неба сыплются огненные шары. Вокруг их рук вьются змеи и языки пламени. Воспринимаемые цвета стали неестественно яркими. Жители срывали с себя одежду и носились по улицам нагишом, забирались под кровати, ища спасение от огненных шаров, или дико махали руками, забившись в угол комнаты, отгоняя от себя диких зверей и сонмы огромных голов, готовых разорвать их на куски. Врачи справиться с ситуацией не могли. В город были вызваны санитарные машины и жандармы, доставлены смирительные рубашки. Трупы кошек, собак и домашней птицы были отправлены на обследование в Марсель.

Обезумевшие люди легко в руки санитарам не давались, проявляя сверхчеловеческую силу. Полиция ловила их сетями, используемыми для отлова бродячих собак. Человек-самолет, который выпрыгнул из окна второго этажа больницы и сломал себе при этом обе ноги, все равно вскочил и пробежал пятьдесят метров, прежде чем его настигли. Справиться с ним смогли только несколько санитаров. Другой молодой человек разорвал одну за другой семь смирительных рубашек,

прежде чем его, наконец, удалось обездвигнуть, привязав к кровати толстыми кожаными ремнями и надев сразу две смирительные рубашки. Но не тут-то было — он перегрыз ремни, расшатав себе все зубы, и со ртом, наполненным кровью, бросился отрывать оконную решетку. Ему удалось согнуть дюймовый металлический прут, прежде чем шесть человек скрутили его. Никакие лекарства не помогали. У одной пациентки тем временем начала развиваться гангрена пальцев на ногах, у двух других происходили припадки, схожие с эпилептическими. Многие люди переходили от гиперактивности до глубокой депрессии в течение нескольких минут. Затем обратно — от спокойствия до дикого безумия. В пик эпидемии насчитывалось около 300 человек, страдающих от различных психических проблем, от легкого дискомфорта до сумасшествия, а затем они начали умирать. В ту ночь, когда первый человек умер в конвульсиях, двое мужчин бросились бежать по улице, крича, что их преследуют враги. Маленький мальчик попытался задушить свою мать.

Это не сценарий фильма ужасов. Так марсельские газеты отражали загадочную эпидемию августа 1951 года в небольшом французском городке Пон-Сен-Эспри. Если журналисты какие-то конкретные отдельные моменты и приукрасили, то в целом ситуация и в самом деле выглядела примерно так, как ее преподносили даже самые желтые издания. Ибо фантазии журналистов бледнели перед реальностью. Первые дни местные врачи просто терялись в догадках о причинах происшедшего, ничего подобного они в жизни не видели. Через неделю после начала эпидемии, подробно опросив пациентов, они пришли к выводу, что горожане пострадали от хлеба, купленного ими в пекарне мсье Бриана. Вскоре врачи поставили диагноз — жители отравились спорыньей¹.

Французским врачам удалось поставить диагноз не сразу — к тому моменту спорынья в Европе была уже практически забыта. И лишь старая энциклопедия XIX века подсказала им разгадку. В прошлые века эпидемии эрготизма (отравления спорыньей) выкашивали население не меньше, чем эпидемии чумы или, позже, холеры. Грибок *Claviceps purpurea*, заражая колосья зерновых, попадал в муку, неся людям смерть и безумие. В середине XX века такой диагноз звучал для европейцев довольно дико. Этим, пытаясь замять

¹ Gabbai, Lisbonne and Pourquier. Ergot poisoning at Pont St. Esprit. Brit. Med. J 2 (15 sep), 1951, pp. 650–651.